

А. С. КОЛЕСНИКОВ, С. В. НИКОНЕНКО

Бертран Рассел в отечественной философской мысли

Антология «Б. Рассел: pro et contra» посвящена жизни и творчеству одного из самых известных философов XX в. Основная миссия антологии: собрать под одной обложкой все наиболее значимые фрагменты монографий и статьи о Расселе (разбросанные по множеству периодических изданий), отражающие все этапы осмысления и изучения творчества Рассела в отечественной философии.

Бертран Рассел (1872–1970) прожил долгую и богатую событиями жизнь. По своему происхождению Рассел относится к одному из старинных аристократических родов в Англии, знаменитому начиная с XVI в. Он родился в семье богатейшего лорда Англии Bedford и впоследствии сам получил лордство. Рассел неоднократно отмечал, что тяготится своим положением английского лорда, трудно совместимым с его либеральными и демократическими политическими взглядами; но нельзя не отметить и того, что в условиях первой половины XX столетия сословное положение Рассела оказалось фактором, придающим дополнительный вес его теориям и выступлениям на политическом поприще.

Поскольку Рассел уже к четырем годам оказался сиротой, он воспитывался в семье деда — лорда Джона Рассела, лидера вигов, который в середине XIX в. дважды был премьер-министром. Значительную роль в воспитании юного Рассела сыграла его бабушка — графиня Рассел. Она принадлежала к шотландской пресвитерианской церкви, в политике и религии придерживалась либеральных взглядов, но во всем, что касалось морали, отличалась величайшей строгостью; без малейшего акцента говорила по-французски, по-немецки и по-итальянски. Она впитала в себя пуританскую мораль викторианства. Ее бесстрашие, заботу об общественном благе, презрение к условностям, равнодушие к господствующему мнению Рассел всегда вменял ей в заслугу, они вызывали у него восхищение и желание подражать им. Получив разностороннее домашнее обра-

зование, Рассел уже в одиннадцатилетнем возрасте начал проявлять незаурядные способности к математике и естествознанию. Рассел страстно увлекся геометрией Евклида, а также некоторыми гуманитарными науками, особенно историей и экономикой. Уже в юношеском возрасте Рассел начал склоняться к критическим воззрениям на религию и левым политическим взглядам.

В 1890 г. Рассел поступает в Тринити-колледж Кембриджского университета, чтобы изучать математику. На последнем курсе обратился к философии. Получив степень бакалавра искусств, в 1897 г. Рассел защитил диссертацию под названием «Об основах геометрии» и вскоре стал признанным ученым: в 1908 г. его приняли в Королевское научное общество. Но философская карьера Рассела началась ранее, когда он был привлечен на дипломатическую службу в Париже и Берлине и начал писать свою первую заметную работу «Германская социал-демократия». Конец 1890-х гг. был определяющим для Рассела в том отношении, что в этот период сформировались два его главных теоретических интереса в философии: интерес к логике, математике и эпистемологии, с одной стороны, и интерес к осмыслению политики и религии, с другой стороны.

В 1890-е гг. в Великобритании практически безраздельно господствовали гегельянцы, представители школы абсолютного идеализма (Ф. Г. Брэдли, Б. Бозанкет, Дж. Мак-Таггарт, Дж. Уорд, Дж. Ф. Статт и др.). В 1895 г. Рассел задумал план написания энциклопедии наук в духе Гегеля, а также книгу по социальным и политическим проблемам, чтобы объединить их в синтезе теории и практики. В атмосфере господства идеализма Рассела особо привлекали некоторые мыслители, критические относившиеся к гегельянству, среди которых были Дж. Кук Уилсон, Г. Причард и др. Увлекали Рассела идеи некоторых иностранных философов: прагматистов, позитивистов, неокантианцев. Со значительным интересом юный Рассел изучал логические учения, появившиеся в XIX в.: алгебру логики Дж. Буля, индуктивную логику Дж. С. Милля, учение о значении Г. Фреге, учение о воображаемых сущностях А. Мейнонга и др. В своей «Автобиографии» Рассел отмечает «восстание» против идеализма, окончательно выразившееся к 1898 г. Этому способствовала тесная дружба с Дж. Э. Муром и А. Н. Уайтхедом. Считается, что эти три философа выступили основоположниками аналитической философии и, в частности, ее первого течения — неореализма.

Рассел планировал связать свою деятельность с Кембриджским университетом, но в 1916 г. был изгнан оттуда за свою пацифистскую деятельность. Практически всю свою карьеру Рассел был независимым философом — не академической фигурой, а кабинетным мыслителем. Однако преподавательская деятельность Рассела об-

ширна. С 1896 г. Рассел в разные годы читал лекции в Лондонской школе экономики (в том числе и самые известные лекции по логическому атомизму). Читал Рассел курсы лекций и в университетах США: в Гарвардском, Чикагском, Калифорнийском и др. (особенно интенсивно в 1938–1944 гг.). Рассел не порывает с Кембриджским университетом: в 1929 г. Рассел совместно с Муром экзаменует Л. Витгенштейна, в 1944 г. начинает преподавать. Отметим, что Рассел был всемирно-известной фигурой в логике, председателем престижного Аристотелевского общества (с 1911 г.), лордом, выдающимся общественным деятелем. Академическая карьера не стала уделом Рассела, но его деятельность на ниве просвещения во всех отношениях обширна.

Не оставляя интереса к политике и социально-экономическим проблемам, в первое десятилетие XX в. Рассел сосредоточивается на разработке проблематики логики и математики. В своих ранних работах «Очерк об основаниях геометрии» (1897), «Принципы математики» (1903), «Об обозначении» (1905) и др. Рассел заложил основы теории дескрипций, которая стала основанием новой, математической логики. Мировое значение в истории философии имеет трехтомный труд (написанный совместно с А. Н. Уайтхедом) «Principia Mathematica» (1903–1913). Латинское название сочинения обрело неслучайно; оно является аллитерацией названия монографии Дж. Мура «Principia Ethica» (1902). Впоследствии Рассел выпустил целый ряд трудов, в которых комментировались и развивались идеи математической логики: «Философия логического атомизма» (1918), «Логический атомизм» (1924); посвятил несколько глав логике в автобиографическом труде «Мое философское развитие» (1959).

В 1910-е гг. — когда логические воззрения Рассела были в основном сформированы, — мыслитель обращается к проблемам эпистемологии и метафизики. Широкую известность приобрела монография «Проблемы философии» (1912), переведенная в 1914 г. на русский язык. Были написаны сочинения: «Наше знание внешнего мира» (1914), «Анализ разума» (1921), «Анализ материи» (1927), «Исследование значения и истины» (1940), «Факт и фикция» (1961) и др. Широко известен обобщающий труд Рассела «Человеческое познание. Его сфера и границы» (1948).

С 1920-х гг. Бертран Рассел — всемирно известный многоплановый мыслитель, подлинный философ-энциклопедист. Мы уже упоминали о том, что Рассел начал свою карьеру с политических сочинений. Каждое десятилетие своей жизни Рассел выпускает несколько монографий по социально-политической проблематике. Среди них труды: «Принципы социальной реконструкции» (1916),

«Предлагаемые дороги к свободе» (1918), «Каков путь к миру?» (1936), «Власть» (1938), «Человеческое общество в этике и политике» (1954) и др.

Наряду с фундаментальными, теоретическими трудами по социальной философии, Рассел выпустил целый ряд сочинений-памфлетов, написанных по поводу глобальных исторических катаклизмов или собственной общественной деятельности: «Почему люди воюют?» (1916), «Политические идеалы» (1917), «Практика и теория большевизма» (1920), «Большевизм и Запад» (1922), «Проблема Китая» (1921), «Бомба и цивилизация» (1945), «Здравый смысл и ядерная война» (1959), «Военные преступления во Вьетнаме» (1967) и др.

Политические взгляды Рассела были по своей сути социал-демократическими; но он так и не примкнул ни к одной школе или политической партии. Рассел сочувствует социал-демократам, социалистам, лейбористам, но вместе с тем находит критические аргументы в адрес каждой политической программы. Во все периоды своей жизни Рассел был убежденным сторонником пацифизма и борцом за мир. Мировая война 1914–1918 гг. — переломный этап в биографии ученого. Испытывая глубокое чувство ответственности перед современниками, Рассел занял активную пацифистскую позицию. Он примкнул к Союзу демократического контроля, основанному сразу же после начала войны критиком внешней политики Великобритании Э. Д. Морелом. Проводя активную антивоенную пропаганду, члены организации ратовали за учреждение органа демократического контроля за внешней политикой правительства, за создание международного совета для гарантии соглашений по спорным вопросам, а также за сокращение вооружений. Рассел выступал на многочисленных митингах, за что в 1916 г. был привлечен к суду и оштрафован на 100 фунтов стерлингов и лишен права преподавания в Тринити-колледже, а в 1918 г. за свои суждения о возможности отказа от воинской повинности заключен на полгода в тюрьму.

Рассел придерживается пацифистских взглядов и в период Второй мировой войны, хотя и признает справедливость действий союзников в борьбе с Гитлером. Его жизнь начиная с 1945 г. и до самой смерти в 1970 г. была посвящена общественно-политической деятельности: он выступал на митингах, в печати, по радио и телевидению, призывая современников задуматься о нависшей над человечеством смертельной угрозе. Однако ошибочно было бы полагать, что позиция Рассела все эти годы оставалась неизменной. Так, в 1948 г. он активно выступал за сохранение ядерной монополии США, требовал, чтобы СССР прекратил разработки собственного ядерного ору-

зия и даже предлагал — в случае отказа — сбросить ядерную бомбу на Москву. В 1957 г. Рассел выступает самым активным деятелем по принятию «Манифеста борьбы за мир всех ученых» (двумя годами ранее Рассел выпустил совместный манифест с А. Эйнштейном). Дальнейшее развитие эти идеи получили в книге «Здравый смысл и ядерная угроза», увидевшей свет в конце 1959 г. Основной целью автора являлось стремление наметить возможные способы достижения мира, которые были бы в равной степени приемлемы для представителей разных идеологических лагерей. К началу 1960-х гг. антивоенная концепция Рассела в целом оформилась. В основе ее лежала его глубокая уверенность в том, что стремление к войнам не присуще природе человека как таковой, а является результатом традиций и прежде всего неправильного воспитания. Задача общества в ядерный век состояла, по его мнению, в изменении системы воспитания и образования своих граждан, а также в создании широких возможностей для удовлетворения природного стремления человека к приключениям и авантюрам.

В 1962 г. Рассел выступил одним из посредников между Н. С. Хрущевым и Дж. Кеннеди с целью предотвращения Карибского кризиса. Рассел решил на еще один ответственный шаг и направил телеграммы Кеннеди и Хрущеву. Обращаясь к первому, Рассел писал: «Ваши действия безрассудны. Угроза жизни человечества. Никакого мыслимого оправдания. Цивилизованный человек осуждает это <...> Прекратите безумие». Хрущеву Рассел телеграфировал: «Я призываю Вас не поддаваться на провокацию... Мир поддержит Вашу осторожность <...> Резкие действия обернутся гибелью человечества»*. В течение всего кризиса Рассел был настроен резко антиамерикански. В посвященной истории карибских событий книге «Победа без войны» политическую подоплеку кризиса ученый характеризовал как противозаконный характер американской блокады Кубы. Философ также неоднократно выступал против тоталитаризма и был сторонником идеи мирового демократического правительства. Отметим, что к концу жизни Рассел был настроен крайне антиамерикански, а СССР он, напротив, не считал державой, представляющей угрозу миру.

С лета 1963 г. началась работа по созданию фонда, который должен был взять на себя решение всего круга вопросов, до этого времени составлявших деятельность Рассела и его сподвижников. Были некоторые юридические трудности: благотворительную организацию, носящую имя Рассела, зарегистрировать оказалось невозможно, и потому решено было создать два фонда — Фонд мира

* *Russell B. Unarmed Victory. Harmondsworth, 1963. P. 31–32.*

Бертрана Рассела и Атлантический фонд мира, который и получил статус благотворительной организации. Круг спонсоров оказался довольно широким: бельгийская королева Елизавета, премьер-министр Индии Д. Неру, лауреаты Нобелевской премии физики М. Борн и Л. Полинг, а также многочисленные деятели искусства, организовывавшие концерты, выставки, распродажи произведений искусства, все средства от которых перечислялись на счет Фонда. Содействие оказывали и члены британского правительства. Разъясняя цели и задачи обоих фондов, Рассел писал в феврале 1964 г.: «Проблемы, которые предстоит решить, двух типов. Первый — вопросы, касающиеся человечества в целом. Здесь две самые главные задачи: разоружение и образование. Второй — вопросы, касающиеся решения территориальных проблем, из которых, кажется, наиболее сложной является германская. Оба типа проблем необходимо решить в целях сохранения мира». У Фонда Рассела появились филиалы в Аргентине, Австралии, Новой Зеландии, Франции, Индии, Италии, Японии, Филиппинах и США. Большим материальным подспорьем Фонду послужила продажа Расселом архива своей семьи канадскому университету Мак-Мастер в 1967 г.

Рассел всю свою жизнь был сторонником индивидуализма, высказывая взгляды, близкие либерализму и утилитаризму. Так, Рассел считает, что любое общество, в котором интересы личности будут приноситься в жертву интересам государства, является несправедливым. Идеал «свободного человека» Рассела реализуется как в политической, так и в частной жизни. Будучи сторонником предельно широких прав и свобод личности, поддерживая буржуазно-демократические идеи, Рассел, тем не менее, не верит в учение о «цели истории» и резко не приемлет идеологию тоталитарных государств, особенно в отношении построения «светлого будущего».

Особую роль в наследии Рассела играют труды, посвященные вопросам религии. Среди них: «Мистицизм и логика» (1918), «Во что я верю» (1925), «Религия и наука» (1935), «Воля к сомнению» (1958) и др. В своей эволюции Рассел проходит путь от сторонника протестантизма и деизма до одного из самых последовательных атеистов XX в. Для него в это время были важны «История христианства» Мольтманна, сочинения Гиббона, Конта, Данте, Макиавелли, Свифта, Бокля, Шелли. Будущий философ читал Байрона, Тенниси, Карлейля, Дж. С. Милля. Рассел окончательно освободился от веры в бога в 18 лет после чтения «Автобиографии» Дж. С. Милля, в которой он обнаружил небольшой отрывок, где доказывалось, что на вопрос: «Кто создал меня?» — нельзя сразу ответить, ибо он сразу предполагает вопрос: «Кто создал Бога?».

который и показал ложность аргумента первопричины и способствовал его свободомыслию. Влияние философии Дж. С. Милля, «интеллектуальной совести английского либерализма середины XIX в.» на воззрения молодого Рассела было довольно ощутимым. Он признал его «крестным отцом в философии», а скептицизм относительно религии перерос в буржуазный атеизм, свободомыслие и антиклерикализм, который он пронес через всю свою долгую жизнь. Широко известен публичный диспут Рассела с известным теологом Ф. Ч. Коплстоном о существовании Бога. Выявление теснейших связей, существующих между философией и науками, а также зависимости философских идей от религиозных представлений и этико-социальных построений составляет один из главных методологических принципов Рассела. И с этим можно согласиться, ибо характерно, что симпатии его всегда на стороне науки, а не религии, на стороне тех философских учений, которые, опираясь на прогресс научного знания, способствовали ему, а не тех, которые использовали этот процесс в интересах религиозно-мистических спекуляций.

В наследии Рассела занимают важное место труды по этике и педагогике. Широко известна книга «Брак и мораль» (1929), в которой Рассел решительно выступил за реформирование института брака, доказывая, что основа семьи и брака, прежде всего, — взаимная любовь супругов. За свои суждения о допустимости гражданского брака Рассел испытывал серьезную критику со стороны консервативных и религиозных кругов, особенно в США. Хотя конкретная школьная программа волновала Рассела значительно меньше, нежели проблема воспитания в целом, когда наступила пора отдавать дочь и сына в школу, он и его жена Дора совершили почти что родительский подвиг: внимательно изучив программы всех известных им школ, они не сделали выбора в пользу ни одной из них, а создали собственную программу и организовали в 1927 г. свою экспериментальную школу. В этом, безусловно, снова проявился расселовский идеализм: он свято верил в волшебную силу просвещения, возводил в абсолют роль образования и воспитания в формировании личности. Увлечение школой закончилось вместе с разводом в 1936 г., хотя Дора продолжала управлять ею до 1943 г.

Его идеи по педагогике, по мнению специалистов, не были так прогрессивны, как взгляды выдающихся английских педагогов того времени Г. Лэйн (1875–1925) и А. С. Нейл (1883–1973) или американца Дж. Дьюи (1859–1952), но эта школа допускала и поощряла большую свободу самовыражения учащихся. Исходя из своих философско-этических взглядов, Рассел писал, что «дети должны быть гражданами Вселенной», воспитываться без принуждений,

не знающими чувства страха. Его педагогические взгляды во многом напоминали идеи утопистов-социалистов Оуэна и Фурье, выступавших против религиозного образования. Эта школа не имела большого успеха, возможно из-за того, что ни Рассел, ни его жена не относились к ней с должным вниманием, а может быть, из-за того, что у них просто не хватало умения обращаться с трудными детьми, с которыми они пытались работать.

Пытаясь теоретически обосновать ряд проблем в сфере педагогики, Рассел издал ряд сочинений: «Об образовании: особенно в раннем детстве» (1926), «Образование и социальный порядок» (1932) и др. Однако первые статьи по педагогике и образованию написаны еще в 1901–1902 гг. — «Изучение математики», «Воспитание эмоций». Затем следуют «Свобода против авторитета в образовании» (1922), «Наука и образование» (1929), «Образование для демократии» (1939), «Функции учителя» (1940), «Знание и мудрость» (1954). Свообразным рефреном его идей в педагогике был тезис о том, что если бы любовь, подкрепленная знанием, «стала реальной основой воспитания, то мир был бы преобразован». Другой призыв он обозначил в работе «Почему я не христианин»: «Хорошему миру нужны знание, добросердечие и мужество»*. По его мнению, образование может быть улучшено, если цели образования будут должным образом оценены, подготовка учителей покажет те качества и достоинства, которые реализуют главные цели в богатой и удовлетворяющей человеческой жизни.

Рассел доказывает тезис о том, что основой воспитания должна стать любовь, подкрепленная знанием. Проблемы воспитания вывели Рассела на тесно связанные с ними вопросы семьи и брака. В 1929 г. вышла в свет его работа «Брак и мораль». Пожалуй, главной мыслью книги является идея о том, что самая важная вещь на свете — это любовь, лишь она способна разбить непреодолимые преграды между отдельными людьми; без любви Вселенная была бы холодным, мрачным местом, сплошь населенным равнодушными друг к другу существами.

К сожалению, условия в школах препятствуют вероятности успеха. Дело в том, что большинство учителей не желает рисковать, выступая против обычного порядка, как и избегают публичного осуждения неортодоксальных мнений. Они преподают, уже не говоря о самом удовольствии от работы и передачи любви к знанию учащимся. Угнетающее наблюдение Рассела состоит в том, что едва ли что-нибудь будет сделано, чтобы способствовать внутреннему духовному росту учителя; фактически те, кто имел хорошее об-

* Рассел Б. Почему я не христианин. М., 1987. С. 37.

разование, — часто истощены в их умственной и духовной жизни, лишенной импульса, и обладают только определенными механическими способностями, которые занимают место живой мысли. Несмотря на эту резкую критику, однако, он с готовностью признает, что учителя оказываются под многочисленными давлениями, которые не дают им творчески работать; и он остается убежденным, что учитель является безусловно главным из тех, кто заинтересован в улучшении образования, и прежде всего к нему или ней мы должны искать подходы.

Его подлинная цель, как он писал позднее, состоит в том, чтобы представить перспективу, которая будет убедительной и ободряющей, позволит доброжелательным людям «работать с той же самой энергией, которая в последнее время была монополией жестоких фанатиков». Он отмечает, что для этого необходимо открыть двери нашего сердца и ума новым идеям, чтобы спастись от демонов — тех разрушительных страстей, типа зависти, опасения и чувства ужаса, имеющих представления, отличные от наших собственных, которые процветают на невежестве, полуправде и слухах. Конечно, это и избавление от предубеждений здравого смысла. В новых концепциях образования необходимо испытать ощущение интеллектуального приключения в атмосфере открытого поиска, а не приобретать ненависть к знанию. Его философия образования предлагает новые мысли, которые отвергают традиционные подходы, ведущие к единому мышлению, фанатизму, искоренению надежды.

Рассел — выдающийся историк философии. На все языки мира переведена его книга «История западной философии» (1945). Также широко известен труд «Мудрость Запада» (1959). Идеи современных философов Рассел осмысляет в книгах «Автобиография» (1951–1969) и «Мое философское развитие» (1959). В этих трудах Рассел придерживается идеи о том, что философия развивается путем постановки новых проблем и теорий, предложенных выдающимися умами. Вместе с тем Рассел критикует идеи гегельянцев и марксистов о наличии детерминизма в историко-философском процессе. Рассел высказывается при этом как сторонник рационализма и критик крайностей мистицизма. Вместе с тем он не всегда принципиально проводит эту линию, иногда его рационализм выступает в защиту той же мистики, скрытой, однако, под «научной» формой позитивистской философии. Интересны в этой связи оценки, данные им милетским философам, а также Эмпедоклу, Анаксагору и Демокриту, как представителям научно-рационалистической философии, и противопоставление их взглядов философии пифагорейцев, подчинивших свои научные искания религиозно-мистическим спекуляциям.

Даже при «европоцентристском» подходе к истории философии во многом не правомерен выбор философов, включенных им в историю философии и совершенно игнорируемых. Так, он не уделяет никакого внимания таким материалистам и атеистам прошлого, как Толанд, Гартли, Пристли, Гольбах, Дидро, Гельвеций, Фейербах; не нашлось места Джордано Бруно и многим другим.

Рассел также обладал незаурядным талантом к художественной прозе. В 1950 г. Расселу присудили Нобелевскую премию по литературе за книгу «Брак и мораль», имея в виду, прежде всего, не теоретические суждения, а литературные достоинства текста монографии и выдающуюся публицистическую деятельность. Широко известны рассказы и повести Рассела: «Непопулярные очерки» (1950), «Сатана в городе» (1953), «Кошмары великих личностей» (1954) и др.

В литературе принято утверждать, что Рассел неоднократно менял свои воззрения по многим теоретическим и практическим вопросам. В самом деле, это так. К примеру, Рассел выступает то противником, то сторонником позитивизма и, в частности, идеи сведения философии к логике и методологии науки. Амбивалентно и отношение Рассела к ближайшим единомышленникам: Рассел резко расходится с Уайтхедом в вопросах космологии, критикует позднюю философию Витгенштейна (будучи сторонником его ранней концепции и автором введения к «Логико-философскому трактату»), не признает воззрений на историю науки Поппера и Куна и т. д. Однако в целом изменения в мировоззрении Рассела укладываются в нормальную канву биографической эволюции. В жизни Рассела не было столь резкого переворота, как, к примеру, у его ученика Витгенштейна. Всю свою жизнь Рассел выступает сторонником реализма и аналитической философии. Г. Эванс вполне справедливо отводит Расселу центральное место в аналитической философии, подразделяя историю логики на три периода: дорасселовская, расселовская и пострасселовская. В целом, общепризнанным является и историко-философское учение А. Айера, согласно которому в основании аналитической философии лежат ранние сочинения Рассела и Мура. В заключение этого раздела отметим, что в англоязычных странах личность и творчество Рассела окружены вниманием и почетом; он воспринимается как крупнейший классик современной философии. В английский философский язык прочно вошло прилагательное «Russelian», обозначающее раннюю, неореалистическую парадигму аналитической философии. Ежегодно выходят статьи и монографии, посвященные творчеству Рассела.

* * *

С 1908 г. Рассел стал членом Фабианского общества, а с 1914 г. — членом лейбористской партии. Благодаря участию в антивоенном движении пресса назвала Рассела героем левых сил. И как активист левых он едет в Россию с делегацией английских профсоюзов и членов Рабочей партии. 11 мая — 16 июня 1920 г. Бертран Рассел посетил с визитом Советскую Россию. По условиям визита, Рассел должен был следовать вместе с делегацией британских лейбористов (хотя Рассел не был членом этой партии и делегации). Предполагалось, что приезд делегации — знак солидарности британских лейбористов с советским коммунизмом, что использовалось в средствах пропаганды. Первые пять дней Рассел провел в Петрограде, следующие одиннадцать — в Москве. Также он совершил путешествие на пароходе от Нижнего Новгорода до Саратова, останавливаясь во многих селениях, свободно беседуя с их обитателями. Делегацию встречали оркестрами, парадами и банкетами, «как принца Уэльского». Рассел посетил Кремль, где более часа общался наедине с Лениным. Общался он также и с Л. Троцким, М. Горьким и А. Блоком. В Петроградском математическом обществе Рассел прочитал лекцию (которая, к огромному сожалению, не была стенографирована и опубликована).

Рассел с юности сочувствовал левым политическим силам и особенно социал-демократам. Он был одним из немногих политических деятелей в Англии, который принял революцию в России, а в 1918 г. неоднократно говорил и писал о своем восхищении большевиками и всемирно-историческом значении событий в России. В своей книге «Практика и теория большевизма» Рассел правдиво описал увиденное во время поездки, в том числе нищету населения, упадок промышленности, зависимое и бедственное положение интеллигенции (Рассела поразило то, что лучшие русские писатели выглядели как нищие). Уже в 1920 г. Рассел фиксирует зачатки будущей тоталитарной системы, отмечая наличие цензуры, подавление инакомыслия, подтасовки на выборах в советы и т. д.

Лояльно относясь к идее коммунизма и даже выступая апологетом этой теории, Рассел категорически не принял методы руководства большевиков. В его представлении большевики строят новую религию, насаждая фанатичную веру в коммунизм и выводя Маркса и Энгельса как «пророков» учения о светлом будущем. Тема религии проходит чуть не главной линией в повествовании, ибо положения диалектического материализма сравниваются с заветами Библии, пролетариат — с «избранным народом», Маркс — с Иисусом, партия — с церковью, революция — с пришествием Мессии. Советскую

республику он сравнивал с республикой Платона, Красную Армию уподоблял кромвелевской Армии святых. Характеристики крестьян — невежи, интеллигенции — несознательная, страна не готова к прогрессу и т. д.

В дальнейшем Рассел так и остался критически настроенным по отношению к коммунизму и советскому строю. Но он не превратился в «антисоветчика», хотя и настороженно относился к сталинским репрессиям, насаждению советского строя в странах Восточной Европы и Азии. Рассел усматривал в СССР потенциальную страну-агрессора, особенно в области гонки вооружений. Порой Рассел позволял себе излишне резкие высказывания о коммунизме и политике СССР. В сложных политических условиях эпохи холодной войны и противоборства двух систем, Рассел, тем не менее, оказывается фигурой-посредником. В свою очередь, позиция советского идеологического руководства по отношению к Расселу была амбивалентной. К примеру, книги Рассела помещались в спецхраны библиотек и вместе с тем активно изучались (а с 1957 г. издавались). Рассела неоднократно объявляли врагом СССР и вместе с тем признавали его заслуги в общественной деятельности, упоминали в газетах «Правда» и «Известия», а важные книги реферировались в библиографических изданиях.

* * *

Теперь обратимся к переводу и изданию сочинений Рассела в нашей стране. Рассел впервые становится известным для русского читателя в 1906 г. В то время были существенно смягчены цензурные ограничения, и стало возможным издавать некоторые сочинения, посвященные социал-демократии; на эту литературу сразу возник спрос. Были переведены «Очерки из истории германской социал-демократической рабочей партии» и «Германская социал-демократия». Оба сочинения схожи по своим идеям, имеют общие фрагменты и представляют собой записанные публичные лекции Рассела в Лондонской школе экономических и политических наук в феврале и марте 1896 г. Рассел рассматривал социал-демократию и как общественное движение, основывающееся на экономической теории, и как целое учение — философию мира и развития человечества, религиозную и этическую систему. При этом он заявляет, что «целью метафизики было и есть прославление существующего строя, установление взгляда на церковь и государство как на воплощение абсолютной идеи»*. Касаясь теории Маркса, английский

* *Рёссель Б.* Очерки по истории Германской социал-демократической рабочей партии. Шесть лекций». СПб. 1906. С. 2.

философ заявляет, что в области логики Маркс — «диалектический рационалист», а в метафизике (онтологии) — «догматический материалист». Этой «двойственностью» объясняется якобы особенность теории «экономического материализма», лежащая в основе социал-демократического учения. Из толкования диалектики Марксом будто бы вытекает «революционный характер её и неизбежность, почти фатальность всякого процесса развития». Поэтому ничто не может задержать предначертанного хода событий. Этот «фанатизм более чем что бы то ни было вдохновляет социал-демократию и сообщает ей веру и силу религии»^{*}.

Заметим, что первоначальная русская транскрипция фамилии Рассела была «Рёссель» (иногда «Рэссель»). Последний раз эту транскрипцию нам удалось отследить в работе 1948 г. П. Трофимова и Е. Помогаевой «Фальсификация истории философии». С 1950-х годов устанавливается современная транскрипция.

В 1910-е гг. возникает интерес к Расселу не только как политическому мыслителю, но и как логике и эпистемологу. В 1913 г. выпускается сочинение Рассела «Новейшие работы о началах математики» (правда, не отдельной брошюрой, а в составе сборника). Можно считать, что с этого момента Рассел становится известным в России как выдающийся логик. Годом позже на русский язык переводится первая теоретическая монография Рассела — «Проблемы философии» (1914).

В годы после революции вышел единственный перевод Рассела: книга «Дедал и Икар, будущее науки» (в соавторстве с Дж. Б. Холдейном, 1926). Холдейн происходил из старинного шотландского рода, давшего стране и миру немало выдающихся деятелей науки, культуры, политики, военного искусства. В Итонском колледже (1905–1911) он проявил выдающиеся способности в области математики, классических языков и естественных наук. За время учебы в Итоне ему были присуждены призы за лучшие знания по физике, биологии и химии, а в конкурсе по математике в 1908 г. он стал обладателем приза Бертрانا Рассела. Рано проявившийся синтетический подход в решении научных проблем, верная оценка значения науки и техники в прогрессе человеческого общества позволили ему в тридцать лет стать соавтором с всемирно известным ученым Берtrandом Расселом. Эта книга была построена в форме диалога и выступает одной из первых попыток прогнозировать будущие линии развития некоторых областей науки и техники и оценить воздействие научно-технического прогресса на развитие социума.

* Там же. С. 4.

Рассел вопрошает: «является ли наука благословением или проклятием для человеческого рода?» — вопрос не разрешенный. Она может влиять на жизнь человека либо «не изменяя общего характера человеческих страстей», она может увеличить возможность их удовлетворения, либо воздействовать на творческую фантазию и на теории, «прилагаемые на практике энергичными, сильными людьми». Рассел ограничивается рассмотрением возможностей, которые предоставила наука «в деле удовлетворения наших страстей». Он делит науки на три группы: физические, биологические и антропологические. К первой группе он относит химию и всякую науку, касающуюся свойств материи, как таковой. К антропологической группе относятся все науки, касающиеся исключительно человека: человеческую психологию и физиологию (между которыми не существует резкой границы, по Расселу), антропологию, историю, социологию и экономику. Что касается биологической науки, то по Расселу «дарвинизм и теория эволюции отразились на человеческой природе; из них вышла аргументация, защищающая свободу конкуренции, а равно и национализм»^{*}.

Наука, согласно Расселу, развила в человеке способность управлять природой и может увеличить его благосостояние и счастье, но быстрые перемены, вносимые в жизнь наукой (особенно физической), «нарушают равновесие между нашими инстинктами и окружающими нас условиями». Войнственность, инстинкты господства и соперничества (хотя оно служит более мощным побудительным импульсом, чем любовь и деньги) должны искусственно подавляться, «дабы промышленный прогресс мог надлежащим образом совершать свое дело».

Свобода только для отдельных групп власти и промышленников. Каков же выход? После «долгого боевого периода» целесообразно установить «единую мировую организацию». Хотя жизнь покажется неприятной, «но, в конце концов, терпимой». Рассел убежден, что «мировое правительство» может быть установлено «только насильственным путем». «Вначале оно будет жестоким и деспотичным, но все же я признаю его необходимым ради создания научной цивилизации, осуществление которой откроет новые перспективы терпимого существования»^{**}. Мировое правительство должно заняться регулированием прироста населения, хотя оно ограничивается войнами и голодом. В дальнейшем, предполагает Рассел, отрешение от предрассудков приведет к тому, что правительства приобретут право на стерилизацию лиц, нежелательных в качестве родителей. Рассел предваряет евгени-

^{*} Холден Б., Рёссель Б. Дедал и Икар (Будущее науки). Л.; М., 1926. С. 66.

^{**} Там же. С. 83–84.

ку и фашизм. Науки содействуют осуществлению целей людей, стоящих у власти, однако, если бы люди осуществляли действия сознательно и обдуманно, «наука могла бы создать рай на земле. Но люди руководствуются страстями, которые искажают их первоначальные намерения». Поэтому, по Расселу, надо укреплять добрые импульсы. И поможет в этом деле «установление единого мирового господства одной социальной группы, своего рода Мировых Соединенных Штатов». Печальная участь Римской империи приходит на ум, так что «падение нашей цивилизации, пожалуй, явилось бы наиболее желательным выходом из этой дилеммы». Так неутешительно заканчивается эта книга буржуазного гуманиста. К этой теме он еще вернется в 1950–1960-е гг., он получит достойную отповедь. Его идею подхватил «Римский клуб» (1968). Рассел в дальнейшем изредка упоминает проект «мирового правительства», о котором после Первой мировой много говорили англичане. Фабианец Леонард Вульф посвятил этой теме книгу, хотя тогда англичане подразумевали под «мировым правительством» Британское Содружество.

Время появления переводов работ Рассела было таково, что его теории, кроме логики и математики были почти неизвестны. Только в 1936 г. Эрнст Кольман (1892–1979) в работе «Предмет и метод современной математики» с марксистских позиций критикует логицизм и позитивизм Рассела. В десятой главе «Математика и философия» он пишет о кризисе оснований математики и разбирает семь течений в философии математики. Логика, по мнению Кольмана, свои высказывания считает не отображениями действительности, а безусловными истинами, которые не нуждаются в подкреплении опытом и не могут им быть опровергнуты. Эта точка зрения отражена в парадоксальном определении математики, данном Расселом: «Математика — это наука, в которой не знают о чём говорят, ни верно ли то, что говорят»*. Доказуемость своей правоты логистика производит через символическую запись логических понятий и заключений. Математика образует свои понятия чисто логически и чисто логическими методами строит свои доказательства. Восходит это к Лейбницу (1671), который «мечтал о создании всеобщей символики, о механизации мышления». Но только в конце XIX в. в период Дедекинда (1888), Фреге (1893), Пеано (1895) логическая символика была разработана настолько, что удалось дать логический анализ понятия числа и показать достаточность пяти аксиом для обоснования арифметики натуральных чисел. В дальнейшем Рассел (1903), а затем вместе с ним

* Кольман Э. Предмет и метод современной математики. М., 1936. С. 258.

Уайтхед (1910) изложили логику в объемистых трудах как законченную дисциплину.

Затем наступило более чем тридцатилетнее затишье, вызванное как цензурными запретами, так и определенным безразличием к фигуре Рассела со стороны академических кругов и идеологического руководства.

Широкая общественная известность, миротворческая деятельность Рассела, его атеизм и научное мировоззрение побудили к тому, что во второй половине 1950-х гг. были переведены четыре сочинения Рассела: «Человеческое познание. Его сфера и границы» (1957), «Почему я не христианин» (1958), «История западной философии» (1959) и «Здравый смысл и ядерная война» (1959). Заметим, что любое объективное исследование философии Рассела было по сути героическим выступлением против огульной критики. Эти попытки начинаются с публикации работы Рассела «Человеческое познание. Его сферы и границы» в 1957 г. с вступительной статьей Э. Кольмана. Книга была предназначена для научных библиотек, поскольку основная цель Рассела — борьба с материализмом, с материалистической теорией познания.

На 24 страницах Эрнст Кольман дал взвешенную оценку творчеству «старейшины современной английской идеалистической философии». Конечно, пафос обвинения лорда в борьбе против материализма не исчез, но он не стал доминирующим. Раскрывая сложный путь влияний на мировоззрение Рассела — от Платона и Гегеля до Лейбница, Юма, Беркли, Канта и Конта, Шопенгауэра, Ницше и Маха, прагматистами и неореалистами, мыслитель создавал свою собственную школу, меняющую свои названия «в зависимости от различных аспектов» — логицизма, логического атомизма, логического эмпиризма, нейтрального монизма, логического позитивизма и эмпирического либерализма. Что касается «Человеческого познания», как итога эволюции гносеологических взглядов её автора, то она отличается «изошренностью мысли», «вычурностью стиля», что присуще философу-идеалисту, «ибо противоречивость и софистичность мысли вытекают из невозможности до конца логически последовательно, доказательно изложить положения идеализма, давно отвергнутые историческим развитием человеческого знания»*.

Ну а далее все как и было ранее заявлено: в сжатом виде основная мысль труда Рассела — «Основа знания — вера», когда «вера» означает не только теизм, но и «просвещённый» деизм. Все знание — сомнительно, что и пытается привить читателю мыслитель,

* Рассел Б. Человеческое познание. Его сферы и границы. М., 1957. С. 7.

используя данные математики, физики, астрономии, физиологии и психологии. Пафос выступления направлен против «наивного реализма» и «эмпиризма», т. е. материализма, который опирается в достоверности познания ссылками на данные чувственного опыта. Происходит подмена, ибо говорят о метафизическом материализме, созерцательном материализме прошлого.

По Расселу, вне чувственно-опытного знания и вне логики должны лежать какие-то «минимальные принципы, необходимые для оправдания научных выводов». Задача книги — установить эти внеопытные и внелогические принципы познания. Он обращается к индивидуальному и социальному опыту, к роли чувственного и логического моментов познания, анализирует понятия науки и вероятность оценки достоверности научных знаний. Только после этого устанавливаются принципы, якобы предшествующие опыту, и заявляется, что познание всего лишь «обманчивая иллюзия». «Мир науки», как и «обычный мир», есть конструкция отчасти научная, отчасти же донаучная. Мир конструируется человечеством. Происходит отождествление субъективного с индивидуально-чувственным, объективного — с «социальным опытом».

Рассел своеобразно излагает историю физики, астрономии, теории относительности, биологии, физиологии и психологии, практически всегда демонстрируя субъективно-идеалистический подход, считает рецензент. Вторая часть книги отдана анализу языка, «наглядному определению», собственным именам, «эгоцентрическим словам», соотношению познания и веры, проблеме истины, отношению к понятиям «факт», «вера», «истина» и «познание». Факт связан с верой, истинность — свойство веры. Третья часть книги — вопросы о путях познания — рекомендует отказаться от восприятий и положиться на наши ощущения. Большей частью он полагается на «выводы обыденного здравого смысла». В итоге, если мы полагаем, что знаем о сознании и о материи, чтобы выявить их различие, то это неверно, ибо невозможно установить отличие физического мира от мира сознания.

Кольман отмечает, что Рассел последовательно переходит от анализа научных понятий, минимальных словарей, логического понятия «структура», время, события, точки, «физическая реальность», причинность и т. п. Есть и необходимые экскурсы в историю философии. Расселу не удалось устранить «неудобные» понятия типа «причинного закона», «субстанция», и он склоняется к «наивному реализму», который трудно опровергнуть. Отдельная часть книги посвящена исследованию понятия вероятности. Толкуя «познание» чисто субъективно, как личный опыт, Рассел без труда «доказывает» его ненадежность.

Единственно, в чем не сомневается Рассел, так это в «великом значении» своей философии, которая «представляет собой такой же шаг вперед в развитии науки, каким были открытия Галилея в области физики». В теории познания этому соответствует пять постулатов научного вывода, в достоверности которых он убежден, но доказать их не может, хотя и считает их «предпосылками теории познания», поскольку «все человеческое знание недостоверно, неточно и частично». Таков результат книги. Пересказывать её не имеет смысла. Восприятие читателем широких и рискованных рассуждений философа не дает ему ожидаемого успеха.

В 1957 г. «Вопросы философии» публикуют статью психолога и философа С. Л. Рубинштейна, в которой критикуется неореализм с разбором «Анализа духа» (1921) и «Анализа материи» (1924). Это две части одного решения проблемы, связанной с психологией традиции бихевиоризма (стремление свести психическое к физическому) и релятивистской физики (материя превращается в логическую конструкцию). Обе тенденции примиряются, по Расселу, у Джеймса и американских неореалистов, линию которых Рассел, по собственному признанию, продолжает. Основной постулат «Анализа духа» — физика и психология не различаются по материалу, из которого состоит предмет их изучения. Дух и материя являются логическими построениями. Правда, Рассел считает, что область физики состоит только из логических построений, что психология включает также те данные, из которых строится и физическое, и духовное, ибо этими данными являются (как и у Маха) ощущения. Вывод закономерен: «все данные физических наук — это психологические данные», так что все науки объединяются психологией.

С. Рубинштейн повторяет заявления об идеализме концепций Рассела, несостоятельность претензий преодолеть противоположность материализма и идеализма. Однако он прослеживает путь, по которому философ идет к этим выводам, раскрывая архитектуру «Анализа духа». Начинается она с критики понятия сознания: отвержения интроспекции, анализа психических явлений (инстинкты, навыки, желания и чувства, ощущения и образы, память и мышление, эмоции и волю), ради своей концепции «духовного». Все психическое разделяется на поведение (желание, инстинкты, верования, состоящие из ощущений и образов) и ощущения. Так что сфера «духовного» состоит из ощущений, образов и отношений между ними. Ощущения — «нейтральный» материал, из которого строится опыт — объект физики и психологии.

Ощущения Рассел превращает в нейтральные «частности», критикуя Brentano и Meinong. Последний в своем анализе мышления различает акт, содержание и объект. Рассел критикует прежде все-

го «акты», ибо в них, хотя и в виде призрака, субъект все же ещё сохраняется. Brentano и Meinong мистифицируют проблему превращения сторон реальной познавательной деятельности субъекта в систему абстрактных сущностей, выделяемых в ней формально логическим анализом. Рассел пишет, что «Появление содержания мысли и составляет появление мысли», отвергая не столько психический процесс как «акт», сколько самый психический процесс, реально порождающий мысль. Так проводится мысль, что частности, явления или события, из которых состоит внешний мир, совпадают с ощущениями, «опытом». Ликвидация «актов» содержания психики от субъекта призвана для того, чтобы снять различие между мыслью, или сознанием, и объектом.

Эту попытку сведения объективного материального мира к психологическим данным, растворения материи в нейтральных элементах, Рассел продолжает в «Анализе материи».

В 1958 г. публикуется «Логико-философский трактат» Л. Витгенштейна с введением Б. Рассела, которое не удовлетворило автора трактата. Эти труды были широко откомментированы в литературе 1960-х гг. Постоянно появляются краткие сообщения о новых работах Рассела в критико-библиографическом бюллетене «Новые книги за рубежом по общественным наукам». Журналы, следуя атеистическому прочтению мыслителя, публикуют его рассказы: «Сатана в пригороде» (1963), «Кошмар богослова» (1966). Сборник «От Эразма Роттердамского до Бертрانا Рассела» (1969) включал ряд тем с опорой на «Похвалу глупости» Эразма Роттердамского. Вначале был дан обзор идейных позиций и принципов международных организаций свободомыслящих и гуманистов. Через наследие Ренессанса и Просвещения раскрывается становление идеологического феномена свободомыслия. Активное участие в деятельности союза принимал Бертран Рассел, избранный на конгрессе в Дуйсбурге (1963 г.) почетным председателем организации. С его участием выработывалась и резолюция этого конгресса, которая прямо продолжала решения и резолюцию манифеста 1945 г. В резолюции делался особый упор на неотложной задаче современности — борьбе за мир. В 1966 г. конгресс уделил чрезвычайное внимание войне во Вьетнаме. Рассел адресовал американским солдатам страстный призыв отказаться воевать в этой стране. В пропаганде секуляристских идей и в практической деятельности союз исходил из работ и Б. Рассела, посвященных проблемам этики и практической морали. Но затем наступает новая пауза, вызванная возвращением цензурных запретов (даже имеющиеся в крупнейших библиотеках оригинальные издания трудов Рассела переводятся в отделы спецхрана с крайне ограниченным доступом).

Падение цензуры после прекращения существования СССР сделало возможным перевод и издание трудов Рассела без ограничений. В 1990-е гг. были переведены на русский язык сочинения: «Практика и теория большевизма», «Мудрость Запада», «Философия логического атомизма», «Исследование значения и истины» и др.

В 2000–2010-е гг. процесс перевода трудов Рассела продолжился. Были переведены труды: «Брак и мораль», «Завоевание счастья», «Principia Mathematica» и др. Кроме того, на русский язык были переведены главы из других трудов Рассела, вышедшие в периодических изданиях или в виде приложений к монографиям. И в наши дни Рассел активно переводится на русский язык. К примеру, можно отметить сборник «Введение в математическую философию» (2021); готовится к изданию еще один сборник логических сочинений Рассела. Можно с уверенностью предположить, что постепенно все ключевые монографии Рассела будут переведены на русский язык.

* * *

Обратимся к рецепции идей Рассела в отечественной философии. Следует особо упомянуть самые первые очерки о Расселе. В 1906 г. профессор медицины и социал-демократ В. Канель пишет большую вступительную статью, предваряющую труд Рассела: «Очерки из истории германской социал-демократической рабочей партии». Настроение Канеля в целом критическое. Признавая справедливость суждений Рассела, Канель отмечает невысокий уровень авторской работы с трудами Маркса и его последователей.

В первых изданиях сочинений Рассела были помещены еще два вступительных очерка: небольшая заметка переводчика А. Каменского и анонимный очерк под псевдонимом «В.К.». Первой работой, в которой рассматриваются взгляды Рассела на логику и метафизику, может считаться сочинение П. П. Блонского «История философии» (1918). К этому времени уже были ясны основные позиции Рассела, которого автор работы характеризовал как одного «из наиболее видных современных английских философов», концепции которого «пользуется сейчас огромным вниманием в англо-саксонских странах», будучи популярными и в «романских странах (Франция, Италия)». Познакомиться с ней очень важно, по мнению Блонского, поскольку Рассел «крайне своеобразно» подходит к решению проблемы познания внешнего мира».

По мнению английского мыслителя, одним из основных вопросов философии является вопрос о методе философии. Беда философии

фии в том, что она испытывает сильное влияние этики и религии, пренебрегая научным методом. Следствием этого существования многих ошибочных понятий в философии. Среди них понятие «вселенной» как пережиток докоперниковской астрономии: видимое единство мира есть просто целостность того, что видит отдельный наблюдатель и что воспринимает отдельный ум. Другим примером ошибки выступает этизация философии и антитеза добра и зла. С этой точки зрения Рассел критикует эволюционизм. Не говоря уже о принципиальной недопустимости возведения эмпирических обобщений на ступень априорных законов (этим разрушается их единственная основа — эмпирическая), Блонский акцентирует, что по Расселу эволюционизм основывается на этических понятиях, ибо для него характерна вера в прогресс, которая основана на ничтожном подборе фактов, дающем лишь «бесконечно малый фрагмент пространства и времени». Убеждение, что развитие «идет вперед», есть безосновательное заверение. Оно — просто антропоцентрическая попытка придать закономерную силу нашим собственным желаниям, просто следствие всегда неизбежной субъективной этики.

Поскольку философия должна пользоваться исключительно научным методом, то её предложения должны быть не собирательными, а распределительными и априорными. Философия должна стать логикой, которая определяется Расселом как «инвентарь возможностей», список могущих быть абстрактно поддерживаемыми гипотез». Таким образом, философские предложения суть априорные аналитические суждения, столь решительно в свое время забракованные для философии Кантом. Блонский констатирует, что по взгляду Рассела философия должна быть «этически нейтральной», отличаться от естествознания, ибо её предложения относятся к гораздо более отвлеченным сущностям. Ввиду оригинального содержания философских суждений, у неё не может быть конфликтов с естествознанием и моралью, что потребует удаления из философии проблем, решаемых эмпирически. К мнимо философским проблемам Рассел относит бессмертие души и бытие Божие. Вывод таков: философия — логика, её предложения — априорные аналитические, а её метод — анализ.

Почему же Рассел здесь выступает в первых рядах основателей логики? Рассел строит свою логику с логики предложений (а не классов, как у Аристотеля), и основным силлогизмом выступает у него гипотетический. При этом в своей логике предложений он изучает законы сочетания союзов «и» и «или» (а не «если» и «но», как в прежней логике), когда «и» — логическое умножение, а «или» — логическое сложение (ибо эти союзы обладают свойствами переме-

щения, сочетания и распределения). Подобная логика богаче традиционной, поскольку дает возможность ничем не ограниченных комбинаций. По мнению Блонского, Рассел склонен к отрицанию логики классов. Эта новая логика должна явиться мощным орудием «научной» философии. Полем действия для научного метода в философии является наше познание внешнего мира. Чтобы сделать проблему внешнего мира логико-математической проблемой, Рассел объявляет физические объекты функциями чувственных данных. Иными словами, стоит не «выводить» существование вещей здравого смысла, атомы, пространство и время, а «конструировать» все это гипотетически, умственно или логически. Новая логика дает гигантские возможности логических форм, простор логическому воображению и материал для огромного числа логических конструкций относительно эмпирических фактов. Вывод таков: везде, где возможно, стоит заменять физические сущности логическими конструкциями.

Блонский обращает внимание на то, что Рассел, используя принцип абстракции, стремится определить при наименьшем числе допущений отношение между миром чувственных данных и миром физики, являющимся логическими функциями чувственных данных. Поскольку всякая логическая функция реальных чувственных данных должна логически существовать, то и сомневаться в существовании пространства, времени и материи, как логических функций не стоит. Получается, что Рассел «строит свое учение о внешнем мире на основании своих собственных чувственных данных»*. Таким образом, чувственные данные каждого человека строят его частный мир, причем имеются соотношения между схожими чувственными данными в разнообразных подобных мирах. Вещь в этом случае определяется как класс всех сходных чувственных данных во всех частных частных мирах. Опираясь на это определение вещи, мы устанавливаем общее пространство и время, в которых и существуют вещи, и их изменения. Это общее пространство и время конструируется, а частный мир считается точкой в новом пространстве. Так вводятся возможные частные миры в общий мир. Каждый из нас живет в своем отдельном мире, имеющем свои собственные пространства (осозательные, зрительные и др.), но кроме них имеется и пространство, в котором любой частный мир присутствует как точка, или пространственная единица. Общее пространство точек зрения позволяет рассматривать частный мир как явление, представляемое универсумом с известной точки зрения («пространство перспектив»).

* Блонский П. П. История философии. Ч. I. М., 1918. С. 203.

Для работы предлагаемого аппарата конструирования мира Рассел включает сенсibiliи. Это объекты, которые обладают сходным «метафизическим и физическим статусом, что и факты ощущений, но не обязательно являющиеся фактами какого-либо индивидуального сознания». Корреляция сенсibiliй перспектив дает сенсibiliи, которые называются «явлениями вещи», а собрание сенсibiliй в различных перспективах и есть вещь. Психолога интересует «место, из которого» и сенсibiliя кажется ему субъективным и там, где есть воспринимающий. Физика больше интересует «место, в котором и для него сенсibiliя — внешнее и физическое». Подобным способом Рассел конструирует общий временной порядок для состояния вещей, событий и их отношений. Реальны ли объекты нашего восприятия и независимы ли они от воспринимающего — ни один из терминов не определен и ответ неосуществим. По мнению Рассела, объекты восприятия не находятся в неизменном состоянии в то время, когда они не воспринимаются. Но мы должны помнить, что объекты восприятия — суть единственная эмпирическая познаваемая часть физической материи и сами могут быть названы эмпирическими. Физические законы обуславливают характер и длительность объектов восприятия без какого-либо отношения к факту их восприимчивости. При установлении этих законов, предложения физики не предполагают ни психологических предложений, ни существования ума. Вот таков «реализм» Рассела, констатирует П. Блонский.

Итак, каков вывод Блонского. Он убежден, что Рассел крайний априорист и формалист, целиком сводящий философию к формальной логике. В этом смысле его можно считать идеалистом. С другой стороны, его рассуждения об объектах восприятия, как о единственной эмпирически познаваемой части физической материи, и признание отношения сходства (а не тождества между объектами восприятия и не воспринимаемыми реальными объектами) представляют возможность говорить о весьма своеобразном «реализме» Рассела. «Учение Рассела является как бы новой разновидностью перехода от идеализма к трансцендентальному реализму».

Представителями реализма Блонский считает Рилья, Кюльпе, Рассела, Липпса (предупреждавшего об опасности признать, что вещи — комплексы ощущений), Дильтея, Тренделенбурга с его критикой трансцендентальной эстетики Канта, Зигварта и Целлера. Затем к реалистам он относит всех материалистов, энергетиков и биологистов, т. е. представителей «метафизической научной философии». Из представителей научной критической философии к реализму приближаются Авенариус и Пуанкаре. Даже имманентная философия в лице Шуппе подходит к наивному реализму, как

и Мах. «Философия ценностей» в лице Мюнстерберга также приходит к реализму. Реализм в философии защищается во имя наивного реализма, чтобы спасти «естественное миропонятие», но чаще всего его отстаивают в виде критического реализма, чтобы так или иначе удержать «метафизическое» или трансцендентное. «В философии гносеологический реализм часто, но не всегда, связывается с метафизикой, служа или подготовкой для нее, или даже введением в нее»*. Вот почему с некоторой натяжкой Блонский объединяет ряд критических реалистов, переходящих к метафизике.

В 1936 г. несколько страниц Расселу посвящает Д. Ю. Квитко в монографии «Очерки современной англо-американской философии». Квитко делает акцент на аналитическом методе Рассела, обсуждая по преимуществу идею причинности. В 1930-е гг. имя Рассела неоднократно упоминается в математических трудах; в них присутствуют ссылки на «Principia Mathematica» и другие логические сочинения Рассела. Рассела упоминают Д. А. Бочвар, П. С. Александров, С. А. Яновская и др. Однако систематически логика Рассела в этих работах не исследуется.

В историко-философской литературе советского времени постепенно складывается облик Рассела как представителя позитивизма, субъективного идеализма. Писать о Расселе можно было только в манере *contra*, доказывая ложность его аргументации. К примеру, можно привести статьи П. Трофимова и Е. Помогаевой «Фальсификация истории философии» (1948) и В. В. Соколова «Рассел как историк философии» (1960); обе статьи написаны как рецензии на книгу Рассела «История западной философии». В этих статьях Рассел «разоблачается» как «фальсификатор» истории философии, что сопровождается гневными тирадами по поводу «буржуазной сущности» и ложного «субъективного идеализма» Рассела. Аналогично поступает и В. Ф. Асмус в своей вступительной статье к русскому изданию «Истории западной философии» (1959). В это издание — по цензурным соображениям — не вошла глава о Марксе; и Асмус, приводя некоторые выдержки из «запрещенного» фрагмента, доказывает, что Рассел практически не знаком с сочинениями Маркса, обвиняет Рассела в дилетантизме и т. д. Вместе с тем отметим высокую роль В. Ф. Асмуса в популяризации идей аналитической философии. Годом ранее (1958) Асмус написал вступительную статью к «Логико-философскому трактату» Л. Витгенштейна; в статье, посвященной Расселу, Асмус пропагандирует идею необходимости изучения трудов ведущих представителей аналитической философии.

* Там же. С. 207.

В 1960-е гг. идеи Рассела исследуются особенно активно. Прежде всего отметим труды И. С. Нарского. Рассел подробно исследуется в книге «Современный позитивизм» (1961). В 1962 г. выходит в свет брошюра Нарского «Философия Бертраана Рассела» — первая в истории отечественной литературы работа персонально о Расселе. С выхода трудов Нарского подход к философии Рассела меняется: Рассел детально комментируется как выдающийся логик и эпистемолог; при этом критический пафос существенно умеряется (хотя идеологические оценки сохраняются). В сложных условиях советского времени удалось достичь максимально объективного изучения творчества Рассела. Тем более для отечественного читателя зачастую только таким образом можно было познакомиться и с идеями самого Рассела — по цитатам и выдержкам, — ведь труды Рассела после 1959 г. перестали переводить на русский язык.

Среди исследователей Рассела советского периода можно отметить труды А. Д. Гетмановой, А. И. Корнеевой, А. С. Богомолова, Г. А. Заиченко, М. С. Козловой, Е. Е. Ледникова, А. Ф. Бегиашвили, Д. М. Луканова, М. А. Кисселя, В. С. Магнус-Саминского и др. В 1970–1980-е гг. логика, эпистемология, история философии и политическая теория Рассела получили всестороннее освещение в литературе. В 1978 г. увидела свет вторая монография о Расселе — книга А. С. Колесникова «Свободомыслие Бертраана Рассела».

А. С. Колесников — самый известный отечественный исследователь творчества Рассела — выступает пионером новой российской рецепции идей Рассела. Важной вехой на этом пути стала изданная в 1991 г. монография «Философия Бертраана Рассела». В этом сочинении А. С. Колесников полностью порывает с идеологической критикой идей Рассела, отмечая вместе с тем необходимость перехода на позиции научной критики идей английского классика. В постсоветский период Колесников пишет десятки работ о Расселе (частично объединенные в монографии «Бертран Рассел: История философии и теория познания. Антропологический подход», 2019).

Среди исследователей Рассела, начиная с 1990-х гг. по настоящее время, можно отметить А. Ф. Грязнова, В. А. Суровцева, В. А. Ладова, В. И. Антонова, В. В. Целищева, М. С. Розанову, С. В. Никоненко и др. Некоторые философы посвятили Расселу статьи: П. Куслий, И. Б. Микиртумов, Е. В. Борисов, А. Похлёбкин, В. О. Лобовиков, А. М. Рейнгард, К. А. Родин, А. Ю. Рахманин, Е. А. Заславская, Е. Н. Суханова, М. О. Кедрова и др. Большинство текстов упомянутых авторов включены в настоящую антологию. К настоящему времени — на фоне возросшего внимания к идеям аналитической философии — все разделы и сочинения Рассела уже изучены и под-

робно прокомментированы в отечественной литературе; хотя тема исследования наследия Рассела кажется перспективной и практически неисчерпаемой.

Так, в последнее время появляется все больше исследований об уже ставшем привычным противопоставлением аналитической и континентальной философии, и даже фиксируется некое умиротворение. История ключевых встреч между философами противоположных лагерей с конца девятнадцатого века — от Фреге, Гуссерля и Рассела до Деррида, Рорти и Серля, как противостояние аналитической философии против континентальной, подробно фиксирует основные методологические различия между этими двумя подходами. Однако Майкл Даммит считает, что аналитическая и континентальная философия имеют общее происхождение от Фреге и Гуссерля, а главный фактор раскола происходит из-за того, что аналитическая философия приняла так называемый «лингвистический поворот», чего не произошло в континентальной мысли. Независимо от того, насколько полезно это (не)различие, Даммит заслуживает одобрения за требование, чтобы аналитическая философия имела живое понимание своего собственного прошлого, без которого невозможно добиться прогресса.

В свою очередь Рассел писал, что целью его лекций о логическом атомизме было обоснование анализа. Джон Дьюи называет его «реалистом», а его позицию — «аналитическим реализмом». В ответ Рассел писал: «традиционно, британская философия аналитична, а континентальная философия синтетична. В этом отношении я принадлежу британской традиции, в то время как доктор Дьюи ближе к немцам, в частности, к Гегелю». В. В. Васильев отмечает, что термин «аналитическая философия» в значении «прояснение неясностей в представлениях о наших принципах» встречается ещё в «Философско-медицинском словаре» Ф. Й. Циммермана (1803). Встречается этот термин и в посвященной философии восприятия работе 1888 г. оксфордского профессора моральной и метафизической философии Томаса Кейса. По-видимому, особую роль в карьере термина «аналитическая философия» сыграло учреждение в 1933 г. молодыми британскими философами, поклонниками творчества Мура, журнала «Analysis». Далее его употребляют Дж. Уиздом, Э. Нагель, А. Пап, Г. Х. фон Вригт. Хинтикка и Ремес возводят историю аналитической философии к самой древности. Некоторые авторы даже говорят об аналитической философии Аристотеля, Декарта, Фомы Аквинского, Псевдо-Дионисия Ареопагита и находят аналитическую философию в древнеиндийской и древнекитайской традициях. Н. С. Юлина же пишет, что неясно, что такое аналити-

ческая философия, но ясно, кто её антипод: «традиционный стиль философствования с его аморфным, неточным, спекулятивным рассуждением и историцистскими, социокультурными и интуитивными способами доказательства». Мысль о том, что философия должна опираться на логический анализ, восходит ещё к Лейбницу.

Свою лепту в разделение между аналитической и континентальной философией внесли интригующие встречи двух ведущих философов XX в. — Б. Рассела и А. Бергсона. 26 мая 1911 г. Бергсон был удостоен почетной докторской степени Оксфордского университета, где он представил «Теорию восприятия». Позже в октябре он вернулся, чтобы прочитать серию лекций под названием «Природа души» в Университетском колледже Лондона. Рассел присутствовал на лекции Бергсона в Лондоне, и два философа встретились лично во время его лекции в Университетском колледже Лондона 28 октября, а 30 октября Бергсон посетил одну из лекций Рассела. Возражения Рассела против бергсонизма, похоже, уже возникли во время их лондонской встречи. С самого начала Рассел считал философию Бергсона творческой, но лишенной аргументов. Рассел написал ряд критических статей о Бергсоне, внося свой вклад в сотни публикаций о Бергсоне, которые последовали после этих лекций. Затем он решил почитать труды Бергсона и написать о нем. Комментарий Рассела к его работе «Смех» был иронически-критическим обзором для «The Cambridge Review», под названием «Руководство профессора по смеху», и опубликован 18 января 1912 г. Рассел изображает Бергсона как ученого, который слишком серьезно относится к своим усилиям, чтобы знать о смехе. Книга Бергсона действительно уникальна; не в попытке научить, как смеяться, а в попытке обеспечить философское обращение с предметом, который был недостаточно изучен, так как вторая книга поэтики Аристотеля, обращенная к комедии, была потеряна. Была, тем не менее, одна книга, с которой работа Бергсона постоянно сравнивалась большинством британских рецензентов. Это была очерк Джорджа Мередита (1928–1909) «Эссе о комедии», опубликованный в 1877 г. В этой книге Мередит принимает комедию как «одно отличное испытание цивилизации страны», продолжая присваивать различные типы комических черт конкретным цивилизациям. Помимо различных чрезмерно сатирических заявлений против Бергсона, Рассел ставит некоторые элементарные возражения против содержания книги Бергсона.

Рассел вернулся к Бергсону в 1914 г. как к мистiku и логику в «Нашем познании внешнего мира», где последнему отводится роль мистика и тот часто упоминается. По словам Рассела, антиин-

теллектуализм Бергсона распространяется и на его интерпретации науки и математики. Рассел пишет, что незнание новых разработок в математике по меньшей мере вызывает недоумение: мы должны скорее поклоняться предрассудкам невежественных под названием «разум», если мы являемся гегельянцами, или «интуиции», если мы являемся бергсонянцами, так долго.

Однако в обзоре Рассела проявляется очень ранняя ассоциация двух элементов, которые станут заметными в риторике, характерной для сравнения «аналитической» и «континентальной» философии. Можно было бы прочитать обзор Рассела таким образом, чтобы предположить, что там может быть расплывчатая связь между эксцессами попытки Бергсона философствовать о смехе и видом национальных культурных барьеров, которые, по Расселу, Бергсон способен преодолеть. Здесь мы делаем первые шаги к формированию стереотипного «континентального» философа, который, принимая себя слишком серьезно, злоупотребляет своей властью (полученной через такую серьезность), перешагивает границы.

Было бы неуместно говорить о «аналитическом» или «континентальном» расколе в 1912 г., на пике британского бергсонизма. Тем не менее, Рассел вводит ряд стереотипов в своем обсуждении Бергсона, которые посеют семена для будущего ошибочного разделения: а) Бергсона обвиняет Райл в том, что он не знает о достижениях в современной логике, (b) Бергсон в комплекте с Гегелем (с выводом, что они оба традиционные доаналитические философы), и, наконец, (c) философские аргументы Бергсона нивелированы и он понижен до статуса поэта. Хотя эти конкретные обвинения приносят мало вреда, когда применяются к конкретному философу, который может их игнорировать, как не содержащие зерно истины, они вводят в заблуждение, когда проецируются на идею «континентальной философии» в целом. Таким образом, критика Расселом философии Бергсона далеко не продукт какого-то генерального раскола между двумя философиями.

Критические размышления Рассела были отмечены как часть истории противоречий между «континентальными» и «аналитическими» философами в двадцатом веке. Тем не менее, участие Рассела в критике Бергсона является ответом на определенную британскую форму бергсонизма и связано с более широким явлением британского импорта бергсонизма (по фигурам, по-разному связанными с Расселом, таким как Хьюм, Уилдон Карр или Элиот). После встречи с Бергсоном в 1911 г., Рассел критиковал его философию; Бергсон не ответил на критику Рассела. Что интригует в критике Расселом Бергсона, так это вопрос о его статусе как вклада в расширение пространства между «аналитической» и «континентальной»

философией. Чэз и Рейнольдс утверждают, что Рассел и Бергсон были значительными фигурами в развитии конфронтации между аналитической и континентальной философией. Однако критические комментарии Рассела и его обзор работы «Смех» Бергсона больше говорят о становлении международной философской дискуссии, как импорта бергсонизма в Великобританию. Критика Рассела — это ответ на этот импорт. И дискуссия Рассел — Бергсон была попыткой обмена философскими идеями на континенте. И тем не менее, в конечном итоге Рассел способствовал формированию образа раскола.

Можно предполагать, что философия Бергсона проложила линию связи между франкоязычной и германоязычной философией, которая лежит в основе идеи «континентальной» философии. В некотором смысле это утверждение основано на философской таксономии, согласно которой философия Бергсона лежит в пределах французской Декартовой традиции. Конечно, «картезианство», которое можно было бы ошибочно охарактеризовать как французскую традицию, было такой же целью Бергсона, как и традицией, с которой Бергсон взаимодействовал. Независимо от вышесказанного, мысли Бергсона представили альтернативу тогдашнему преобладающему неокантианству, которое доминировало во французских научных кругах, и которое также было видно в германоязычном мире, где оно возникло и затем было импортировано в Францию. Альтернатива Бергсона была альтернативой неокантианству, которая привлекла гораздо большую группу читателей, некоторые из которых были за пределами академического истеблишмента. Хотя Рассел, возможно, думал о Бергсоне как о представителе «старой» философии, для многих Бергсон был признан как модернизатор, и этот инновационный аспект его мысли способствовал широкому влиянию бергсонизма, особенно среди квазимодернистских культурных движений того времени: «Бергсонизм составил ту атмосферу, в которую почти все французские реалии были погружены с 1900 г.»^{*}

Только упадок французского бергсонизма характеризовался усилением взаимного влияния между немецкой и французской философией. Важное значение имела попытка экспорта мысли Бергсона в Великобританию на рубеже веков, которая формирует контекст критики Расселом Бергсона. Хорошо известно, что различные литературные интеллектуалы, связанные с британской литературой

^{*} *Papadopoulos A. Un Philosophe entre deux Défaites. Dictionnaire de la Revue du Caire, Cairo, 1942. P. 2. См. также Russell B. The Philosophy of Bergson. Bowes and Bowes, Cambridge, 1914. P. 2; Kapp Г. У. Философия Бергсона в популярном изложении. М., 1913.*

модернизма, наиболее известный Т. С. Элиот, были глубоко под влиянием Бергсона.

Дело в том, что и Рассел, и Бергсон были философами наднационального масштаба и поиска. Заметим, что их влияние выходит за рамки англоязычного или франкоязычного академического мира, но и воздействие на их идеи пришло из ряда неоднородных источников, которые лежали за пределами строго ограниченных пространств. Рассел не мог избежать многокультурности его философских работ в силу среды, в которой он получил образование. Поздняя викторианская философская культура в это время характеризуется доминированием «британского идеализма», свободной группировки философов, у которых были мысли быть обязанными больше Гегелю, чем Локку и Юму. И разрыв между аналитиками и континенталами был уже представлен Дж. С. Миллем в 1840 г. как дихотомия между двумя тенденциями в философии, бентамской англо-саксонской эмпирической традиции, которая вращалась вокруг идей научного прогресса, и колриджской «континентальной» философии, которая была более или менее романтической, реакционной и поэтической. Милль предложил эту дихотомию только для того, чтобы превзойти ее, показав обеим сторонам ошибочную часть истины в целом, он синтезировал и описал эти две тенденции.

* * *

В заключение обратимся к строению и некоторым редакторским аспектам настоящей антологии. В ней представлены труды, охватывающие все исторические периоды изучения творчества Рассела в нашей стране — от вступительной статьи В. Канеля 1906 г. вплоть до наших дней. Подавляющее большинство текстов — это либо фрагменты монографий (сборников), либо статьи в крупнейших рецензируемых изданиях.

Антология делится на четыре раздела.

В первом разделе представлены крупнейшие обобщающие работы о философии Рассела в целом. В этих работах делается попытка представить учение Рассела как систему.

Во втором разделе представлены исследования по логике Рассела. Предметом рассмотрения являются идеи «Principia Mathematica», «Философии логического атомизма» и других сочинений.

В третьем разделе представлены тексты, посвященные эпистемологии Рассела. Здесь обсуждаются идеи «Проблем философии», «Исследования значения и истины», «Человеческого познания» и других сочинений Рассела.

В четвертом разделе собраны тексты, связанные с разносторонней практической философией Рассела. Они систематизированы по четырем разделам: философия политики, история философии, философия религии и художественное творчество. Особое достоинство этого раздела в том, что в нем представлены порой единичные в отечественной науке исследования по некоторым аспектам творчества Рассела.

Тексты настоящей антологии приведены автором-составителем к единому оформлению. Это касается прежде всего сносок, которые представлены постранично, компактно и в развернутом виде. Опущены сноски, не являющиеся библиографическими ссылками и не отсылающие к соответствующим источникам. До минимума сведены подстрочные авторские комментарии, носящие факультативный характер. В разделе «Примечания» даны сведения об авторах и источниках, по которым публикуются тексты, а также краткие авторские справки.

Автор-составитель выступает одновременно и научным редактором сборника. В этой связи выскажем три редакторских замечания. Внутри каждого раздела приоритетным является хронологический порядок текстов. Однако, в случае особой значимости, некоторые более современные тексты могут быть поставлены первыми: исходя из логической необходимости и архитектоники раздела. Второе замечание относится к купюрам. В публикуемых текстах присутствует значительное количество общих суждений, отступлений, рассмотрений других философов, кроме Рассела. Эти фрагменты опущены; но при этом во многих текстах оговаривается, что именно исключено (в подстраничной сноске, с грифом «науч. ред.»). В таких случаях можно обратиться к разделу «Примечания», где указаны выходные данные исходного текста в полном объеме. В некоторых случаях научный редактор получил согласие на перепечатку сокращенных текстов непосредственно от авторов. Третье замечание относится к «техническим» деталям. К единому знаменателю приведены хронологические обозначения, отсылки к выходным данным и т. д. Для избегания путаницы заменены на современные и общеупотребимые русские транскрипции фамилий зарубежных философов («Джемс» на «Джеймс», «Райль» на «Райл» и др.). Однако в текстах, изданных до 1950 г., сохранена историческая транскрипция «Рёссель».

Антология, объединяя под одной обложкой множество текстов о Расселе, открывает новые перспективы для популяризации и изучения философии Рассела в нашей стране. Автор-составитель выражает благодарность всем авторам (их правообладателям), давшим согласие на републикацию своих текстов. Ни один из ученых,

к которым обратился автор-составитель с просьбой о переиздании, не ответил отказом. За более чем столетнюю историю рецепции идей Рассела в нашей стране можно смело допустить, что «Рассел и Россия» — это состоявшееся и значимое для отечественной духовной культуры теоретическое событие. Большинство исследований, представленных в настоящей антологии, написаны с позиции отечественных философских школ. По своему теоретическому уровню тексты не уступают западным сочинениям о Расселе, а порой дополняют их.

Кто такой «русский Рассел»? Это во многом загадка; но ответы на этот вопрос поможет обрести настоящая антология.

